

ИРИНА ЛУЧКО

СКАЗКИ ИЗ БАБУШКИНОГО СУНДУКА

Ирина Лучко

Сказки из бабушкиного сундука

«Автор»

2025

Лучко И.

Сказки из бабушкиного сундука / И. Лучко — «Автор», 2025

Иногда, чтобы найти своё будущее, нужно прислушаться к прошлому.
Бабушкины сказки, тёплый дом и мудрость старой деревни помогут понять,
где по-настоящему бьётся сердце.

Содержание

Глава 1. Бабушкин сундук	5
Глава 2. Чёрный Юра	7
Глава 3. Большая медведица	11
Глава 4. Тришка	15
Глава 5. Гребень	18
Глава 6. Пожар	23
Глава 7. Геолог	27
Глава 8. Кукуруза	31
Глава 9. Глагол	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сказки из бабушкиного сундука

Глава 1. Бабушкин сундук

Прошлым летом я приехала в бабушкин дом. Год уж как миновал с похорон, а я всё никак не могла решиться разобрать вещи. Я ходила по комнатам, вспоминала детство и плакала.

А детство у меня было замечательное. Радостное и теплое. На каникулах родители всегда привозили меня к бабушке. Та, встретив свою любимую и единственную внучку, сокрушалась:

– Довели ребёнка! Худенькая, бледная! Вот город как влияет! То ли дело в деревне жить!

– Мама, перестань, – только и отвечала моя мама.

Помню бабушкины пироги из печки. Дом заполнялся таким ароматом, что устоять было невозможно. Съедалось всё в один присест.

В деревне жили мои друзья. Сейчас конечно же все уже выросли, разъехались. Остались только Сеня с Машей. Им нравилось жить в деревне и в город они и не собирались сбегать.

Маша, как узнала, что я приезжаю, предложила помочь. Но я отказалась. Всё-таки это очень личное – разбирать нажитое родного человека.

Так и уехала я в тот раз. Не смогла. Слишком уж была привязана к бабушке. Но в этом году решила, что дальше тянуть уже нельзя. Время идёт, за домом уход нужен. Маша с Сеней уговаривали продать дом им и аргументы были весомые, мол, знали бабушку мою, всё детство в этом доме играли да и кому он ещё будет нужен? А так они из своей халупки переедут в бабушкин, просторный и уютный. Я была не против. Лучше уж своим продать, чем кому-то неизвестному.

Встреча была назначена на пятое июня и я начала готовиться к поездке. Нужно было приехать заранее, чтобы перебрать вещи и оставить самое нужное. Остальное раздать, либо сжечь. Там видно будет.

Я приехала дня за два до сделки, ничего не сказав друзьям. Посчитала, что так лучше будет. Узнав, Маша точно прибежит помогать, а я хотела наедине побыть с домом, попрощаться.

Дорога была дальняя. Добралась я на электричке, а со станции шла пешком. Хорошо хоть до деревни было всего пара километров. Я очень устала. А может и не в дороге было дело. Где-то в глубине души я не хотела признавать, что бабушки больше нет. Было ощущение, что с ней ушла часть моей жизни.

Печь топить я не умела. Благо в деревню было проведено электричество. Поставив греться чайник на электрическую плитку, привезенную с собой, я пошла в спальню, где стоял массивный деревянный шкаф и решила начать с него. Вещей у бабушки оказалось не так много: несколько платьев и блузок, пара юбок, пальто, шуба да по паре обуви на каждый сезон. Всё было опрятное, выстиранное, наглаженное, будто бабушка заранее всё приготовила, зная, что уйдёт. Аккуратно сложив вещи в сумки, я отнесла их в сенки. В этом же шкафу слева были полки, на которых ровными рядами лежали постельное белье и нижнее. Всё постельное я решила отдать молодым, поменяв только в кровати на свежее для переночевки. Маша с Сеней, думаю, будут не против такому подарку. Мне-то одной его столько ни к чему, а у них трое детишек подрастает. Деньги экономят хоть.

На кухне засвистел чайник и я пошла пить чай. Есть не хотелось. Я достала из погреба варенье, заварила чай и до самого заката тихонько сидела, поджав колени к подбородку. Чай я так и не пила, уснув беспокойным сном.

Мне снились обрывки детства, мои друзья, бабушка. Вот мы всей гурьбой катаемся с горки зимой и тут же вижу, как бежим в лес собирать малину. А вот уже, наевшись малины

и весело хохоча, бежим в бабушкин дом слушать под треск огня в печи любимые сказки. Но бабушка нас не пускает. Она стоит на пороге, размахивая клюкой.

– Бабушка. Бабушка! Что случилось?! – кричу я.

– Ты войдёшь одна, а друзья твои пусть по домам расходятся. Ночь на дворе уже. Небезопасно по ночам шлындать тут. Звери дикие из леса выйти могут.

– Бабушка, но ведь день ещё!

Но внезапно на дворе становится темно и я соглашаюсь с бабушкой, а друзья испаряются, будто их и не было рядом. Войдя в дом, я сажусь у печки и начинаю греть руки. Бабушка хлопочет с самоваром. На душе так хорошо, словно это всё наяву.

Вытирая руки о передник, бабушка начинает говорить:

– Вот помру, не вздумай дом продавать. Его ещё твой прапрадед строил. В углу дома икона семейная заложена, а в противоположном углу – прах прапрадеда, что избу строил. Нельзя его чужим передавать.

– Но что же я здесь делать буду? Работа моя в городе. Двести километров туда, двести обратно каждый день не наездишь. Вся зарплата на дорогу уйдёт! А зимой как? Я и печь топить не умею, – развела я руками.

– Захочешь – найдёшь работу. И печь научишься топить. Ничего там сложного нет. Мы же как-то жили. А дом наш не продавай! Вот тебе мой наказ! Ты же учительница! Ребят наших деревенских приезжай учить. Не хотят сюда молодые ехать. Всё в город рвутся. А здесь тоже жизнь есть! И молодёжи надо знания давать, а то, как вырастут, тоже сбегают отсюда. Не видят будущего. А какое будущее будет там, где нет молодых? Кому традиции передавать? А род?

– Что род?

– Уезжают от родных своих и забывают. А потом ищут, почему проблемы в жизни. Родные земли бросили! Не помнят ничего. А сила-то вся там! – нараспев сказав последнее слово, бабушка подмигнула мне. – Вот что, Марьяна, будешь детям сказки мои рассказывать, что я вам ведала.

– Но, бабушка, я ни одной не помню! Столько лет прошло!

– А и ладно. Буду каждую ночь к тебе приходить во сне и рассказывать.

– А если не запомню?

– Не запомнишь, так вспомнишь! Сундук мой найди. Как будешь заглядывать в него, так и сказка вспоминаться будет. Помнишь хоть, как он выглядит?

– Не очень, но сундуков у тебя наверно немного было?

– Немного. Один.

Бабушка налила мне еще горячего чая. Я уже протянула руки, чтобы взять чашку с блюдцем, как почувствовала сильный толчок в бок. И тут же проснулась.

На улице уже давно рассвело. Я сидела, укутавшись в одеяло, хотя в доме было не так уж и холодно. Меня сильно знобило. Неужели простудилась? Этого только не хватало!

Я нехотя встала и пошла на кухню, чтобы собраться с мыслями, попить чай и распланировать день.

Достав привезенные с собой бутерброды и налив чай, я села на просторной веранде. Вдохнув поглубже свежий воздух, я задумалась, вспоминая сон. Всё ничего, только никакого сундука у бабушки не было. Или я о нем не знала.

Глава 2. Чёрный Юра

В заботах и делах день пролетел незаметно. Я мыла, чистила, бесконечно, как мне кажется, носила вёдра с водой. Хорошо хоть бабушка согласилась несколько лет назад провести воду в дом. А то всё по старинке из колодца носила. Считала, что ни от кого и ни от чего не зависит важнее. Я и мои родители убедили её, что так будет удобнее, а если уж так хочется, может продолжать из колодца таскать. Но годы брали своё и в конце концов бабушка сдалась и признала удобство.

Весь день я вспоминала свой сон и не знала, как к нему относиться. Это же всего лишь сон, но сомнения уже закопошились где-то глубоко – глубоко.

И несмотря на них, я продолжала готовить дом к продаже. Договор есть договор! Как я Маше с Сеней в глаза посмотрю? А что скажу им? Бабушка приснилась и запретила дом продавать, простите?! Нет конечно. Часов в девять вечера я рухнула без задних ног спать.

Увидев бабушку в дверном проёме, я вздрогнула всем телом и резко села на кровати. Сердце бешено стучало где-то в горле, во рту пересохло, а бабушка, медленно ступая, приблизилась ко мне. Вытаращив от испуга глаза, я боялась пошевелиться. Бабушка присела на краешек кровати и начала говорить:

– Ослушалась меня, Марьянка. Не поверила. Ну ничё, ничё. Время ещё есть. Расскажу-ка я тебе первую историю, что потом ребятишкам сказывать будешь.

История та "Чёрный Юрка" называется.

О Торговом центре она, что стоял на отшибе города. Легенды ходили о Центре том. Это была самая выдающаяся достопримечательность, не побоюсь этого сравнения, всей области. Три этажа сверкающего чёрного стекла и бетона. Для маленького городка слишком большое здание. И слишком пафосное. Но, несмотря на прогнозы местных жителей, здание пользовалось большим успехом. Сюда приезжали за покупками даже из соседних областей. Предполагаю, что такой ажиотаж был вызван тайнами, которыми, как чёрным облаком, было окутано здание.

Если покупатели сюда валили валом, то вот с сотрудниками была настоящая катастрофа. Работать там мало кто хотел. Днём ещё куда ни шло, но вот ночных работников трудно было найти. Ни высокая зарплата, ни бесплатное питание не могли надолго задержать новеньких.

Устроился как-то на работу охранник один. Приехал откуда-то с юга. Молоденький, щупленький, лет двадцати двух. На охранника конечно не тянул ни по одному из требований. Взяли его от того, что деваться некуда было. Каждый пришедший сотрудник был на вес золота. Звали его Юра и всё ему в работе своей нравилось. Уважение начальства, кормили хорошо, а ещё от дома до работы и обратно возили. Королевские условия, не меньше! Вспоминая свои предыдущие мытарства, Юрка за работу уцепился мертвой хваткой. Рыжие тараканы, убогая общажная комнатенка и постоянная нехватка денег научили его предложениями не разбрасываться. Он и не надеялся, что сорвёт такой куш. Бог с ним, что там истории всякие рассказывают про Центр этот. Людям нужны истории, а страшилки всякие любят ещё больше. Доброе-то плохо запоминается, а вот Расскажи что необычное, мистическое, то сразу легендами обростёт.

Днем-то жизнь в Центре кипела. Народ сновал туда-сюда, дети бегали, в воздухе витали запахи бургеров и дешёвой туалетной воды с претензией на именитые бренды. Юрка млел от важности. Дубинка за поясом придавала уверенности каждому шагу, а новенькую чёрную форму воспринимал, что полицейскую. Потому что мечтал попасть в школу милиции, но второй год ему отказывали. То баллы не добрал, то фигура неспортивная. Потому решил в охранники пойти. Опыта набраться и в свободное время в зале тренажёрном мышцы подкачать. В этом Торговом центре как раз было всё, что ему нужно.

Ночью на работе было ещё лучше. Люди, набрав нужного и ненужного, разъезжались по домам. Основные сотрудники, поскорее сведя кассу и закончив дела, тоже убегали, не задерживаясь. В Центре становилось тихо и хорошо. Каждую ночь оставалось три охранника. Центр – то большой.

В первую же ночь охранники рассказали Юрке легенду местную. Назвали Центр этот громко – Черный бриллиант. И выглядел он соответственно. Чёрные, сверкающие на солнце, стекла дополняли образ. Но между собой сотрудники называли его Склеп. Не знаю кому в голову пришло строить такую мрачную громадину, но это конечно же дело вкуса. И от покупателей отбоя не было это факт. Так вот, однажды, в канун Нового года, администрация Центра объявила ближайшую пятницу чёрной. Двери Центра будут открыты круглые сутки, продавцы могут назначить большие скидки и разнообразные акции для привлечения ещё большего количества покупателей, а хозяин здания, живший по слухам в Эмиратах, сделает хорошую скидку в арендной плате.

День настал и в шесть утра у Торгового центра уже было не протолкнуться. Продавцы с нетерпением ожидали покупателей, а охранники с ужасом наблюдали толпу за закрытыми стеклянными дверями. На людей эта масса похожа не была. Какой-то кишачий и вопящий клубок из людей, тёплой верхней одежды и сумок. На часах пробило десять ноль ноль и двери центра распахнулись. Тем, кто хотел быть самыми первыми, не повезло больше всего. Последние ряды, не слыша ни криков охранников, ни криков пострадавших, напирала вперёд, пытаясь быстрее попасть в магазины и успеть купить что-нибудь по самым вкусным ценам. Самое страшное, что толпа, разбежавшаяся по отделам Центра, даже не заметила масштаба катастрофы: двух человек в тяжёлом состоянии увезли в реанимацию, десятки ушибов и переломов, и один погибший охранник, принявший на себя основную мощь обезумевших покупателей.

– Жаль было парня, – закончил рассказ пожилой охранник.

– Дядь Петь, это местная страшилка. На любой работе рассказывают такие, только место и действующие лица отличаются, – отреагировал Юра.

– Может быть. Только я сам работал в тот день и пострадавшим помощь оказывал. Чёрная пятница действительно оказалась чернее некуда, – ответил дядя Петя.

– А зачем вы мне историю эту рассказали? – спросил Юрка, начинающий подозревать что-то неладное.

– Да потому что грядёт годовщина того злополучного дня! И в этом году тот день совпадает с пятницей, которую хозяева опять объявили чёрной! Понимаешь?

– Ну и что? – не понимал Юрка.

– А то, что случиться должно что-то обязательно! Чую я, – пояснил дядя Петя.

– Вы ещё начните байки рассказывать про призраков, месть и другую бредятину, – махнул рукой Юрка.

– Бредятина или нет, но каждый год в этот день происходят странные вещи, – ответил второй охранник, дядя Толя.

– Какие, например? – присев на табурет, спросил Юрка.

Охранники переглянулись и дядя Петя продолжил:

– То пропадёт что-нибудь и потом окажется в противоположном конце здания, то свет отключится, то пожар случится.

– Может совпадения просто? – не верил Юрка.

– Может. Посмотрим, что в этом году будет.

Прошло несколько дней и пришёл день Чёрной пятницы. Юрка отработал ночную смену и попросился работать в день, чтобы не пропустить ни одной странности. А то знал он, как это делается. Стоит уйти на выходной, будут потом сменщики байки травить, что он всё самое интересное пропустил. Ну уж нет! Потерпит. А выспаться всегда успеет.

Как и в тот день, уже в шесть утра народ начал потихоньку собираться около входа. К десяти часам это уже была неуправляемая толпа с искаженными различными гримасами лицами. Если даже кто-то и передумал ждать, дороги назад уже не было. Толпа всё увеличивалась. Давление на двери усиливалось. Юрка довольный бегал вдоль дверей туда-сюда, как собачка, которую сейчас хозяин поведёт на долгожданную прогулку. Это был его звездный час! Там толпа, а он здесь, свободно ходит и чувствует всё величие занимаемой должности.

– Юра, уйди от дверей! – спокойно сказал дядя Петя.

– Они же электронные, откроются только в десять. А сейчас без пяти минут! – отмахиваясь, сказал Юрка.

– Мало ли чего. Это ж электроника! Вдруг...

Не успел договорить дядя Петя, как двери распахнулись и плотная толпа в считанные секунды втоптала щуплое Юркино тело в мраморный пол. Только чёрная форма и осталась от него.

Бабушка замолчала, грустно разглядывая свои руки.

– И что дальше было? Не расскажешь? – спросила я, нетерпеливо ожидая продолжения истории.

– А что тут рассказывать? Жаль паренька, скоро простятся с ним, а на его место другой придёт. А этот духом неприкаянным будет зазевавшихся посетителей пугать, являясь в своей форме чёрной и байки будут про Юрку травить жители местные, называя его Юркой чёрным.

– Недетская какая-то сказка.

– А и не сказка это вовсе.

– И зачем же ты мне рассказала её? Разве эта история для детей? Страшилка какая-то!

– Для того я тебе её рассказала, что детям уроком будет. Не нужно в город ездить. Здесь нужно жить, на земле своей и пользу приносить. От того и чувствуют себя при жизни неприкаянными, что не на своей земле находятся. Вот и случаются беды всякие. Хорошо, если понял и на путь правильный стал. А если не понял, то, как Юрка, будут, – по-доброму улыбаясь, закончила бабушка.

Она не спеша встала и направилась в сторону кухни.

– Пойду я, самовар поставлю, – и обернувшись, добавила. – Дом только не продавай.

Тут я проснулась. На часах было без четверти пять. До встречи с друзьями было ещё достаточно времени, чтобы прийти в себя. Но часа через два в дверь постучали. На пороге стояли хмурые Маша и Сеня.

– Привет, Марьяна, – кинулась обнимать меня подруга. – Так и знала, что приедешь пораньше.

– Вы чего такие нерадостные? – обняв по очереди друзей, удивилась я. – Вроде радоваться должны. Скоро в дом просторный переедете.

– Марьяна, ты прости нас. Не будем мы дом покупать, – чуть не плача, ответила Маша.

– Сон она видела нехороший. Бабка твоя приходила и строго-настрога запретила не своё брать. Сказала, что свою землю до ума доводить нужно, а не по чужим избам скакать.

– Ой, это ж сон всё! Вы что, бабушку мою побоялись?

– Ещё кое-что во сне было, – быстро глянув на жену, добавил Сеня.

– Я сама расскажу, – перебила мужа Маша. – Бабушка сказала, что тебе в этом доме жить нужно. Детишек наших учить. Неграмотные мы совсем стали, себя забываем. А нам на помощь брат мой придет. Уезжал он за жизнью лучшей на юга. А сегодня утром он позвонил, что едет обратно, представляешь? Там случилось что-то, травму серьёзную получил. Пристрой поставим и ему дом поможем изладить. А пока у нас поживет.

– Всё равно не понимаю. И что? Ну сказала бабушка и что теперь? Что произошло-то?

– А то, Марьяна, что брат чудом жив остался. Лукерья Потаповна сказала тебя благодарить за это надо.

– Меня? Меня-то с чего? Я твоего брата не помню даже.

– А ты его и не знала. Юрка с отцом жил в городе, а мы с мамкой здесь, в деревне. Не знаю, как повлияла на это ты, но мой брат жив, пусть и не очень здоров, и скоро будет здесь.

В голове промелькнул совершенно абсурдный вопрос, но я все равно решила его задать:

– А брат твой случайно не охранником работал?

Маша удивлённо спросила:

– А ты как догадалась?

– И мне бабушка снилась. Видимо нужно всерьёз подумать о том, чтобы здесь остаться.

– Я так буду этому рада, Марьяна! – крепко меня обняв, сказала Маша.

– Оставайся. Деревня хоть оживёт, а то совсем тяжело без молодёжи. Ещё десяток лет и не будет больше деревни нашей.

– Ладно, посмотрим. Только обдумать нужно всё хорошенько.

Глава 3. Большая медведица

Маша предложила пойти к ним в дом. У них и покушать есть что, и с ребятишками познакомиться хочется.

Мы вышли из бабушкиного дома и направились вниз по улице. Когда-то деревенька была большая. Сейчас осталось от силы человек двести. Многие дома пустовали. Не по себе было идти мимо таких домов. Хорошо хоть окна заколочены, а не зияющие дыры на тебя глядят, словно глазницы черепа.

– Видишь, что осталось? – с горечью в голосе сказал Сеня. – А вспомни какая она была!

– В детстве всё другим кажется, – попробовала я возразить.

– Нет, Марьяна. Ты вот здесь не жила эти годы. Наша деревня похожа сейчас на дряхлеющего старика, о котором все забыли. А когда маленькие были, вспомни, по улице не пройдёшь с кем-нибудь не встретившись. То тётя Глаша из-за забора крикнет, мамке привет передавая, то дед Николай попросит твоему деду что передать. А детворы сколько было? На озеро ходили купаться, вода, помнишь, мутная была от того, что ил не успевал оседать. А сейчас? – спросил Сеня и посмотрел на меня, видимо ожидая ответа.

– Не знаю. Что сейчас?

– Вода что хрусталь! Прозрачная, хоть пей. Некому потому что баламутить её. Старики туда не ходят, а ребятни слишком мало стало.

– А вы говорите приезжай, учить будешь наших. Кто же здесь школу даст открыть с таким количеством детей! Да и работаю я со старшими уже. Я же химии детей учу.

– Это всё отговорки, Марьяна. Было бы желание, – вставила свое слово Маша.

– Это не отговорки, а факт. А где сейчас ваши дети учатся?

– В посёлке. Кулешово. Помнишь там, за озером, с той стороны?

– Нет, – ответила я.

– Откуда она помнит, Сень? На лето ведь только приезжала, а туда по большим праздникам народ со всех деревень съезжался. На Рождество да Масленицу. Летом-то взрослым и некогда было.

Так мы за разговорами и дошли до избышки. Последний раз я её видела в день похорон бабушки. За это время зрелище стало ещё печальнее. Поймав мой взгляд, Сеня сказал:

– Ты знаешь, это только в фильмах человек может всё один.

– Сеня, ну что ты! Я понимаю!

– На деле же... Ну ничего, Юрка приедет, изладим дом.

Но в Сенином голосе уверенности я не услышала. Только Маша приоткрыла калитку, из дома выбежали их ребятишки и давай к родителям жаться.

– Ну, вы чего? Давно не виделись, – смеясь, сказала Маша.

– Соскучились, – ответила самая младшая.

– Знакомьтесь, тётя Марьяна. А это наши детки – Ульяна, Николай и Марьянка. В твою честь назвали, – уточнила Маша.

– Она здесь жила? – спросила Ульяна, самая старшая из детей.

– Нет, приезжала на лето к бабушке.

Ко мне подошла Марьянка и, посмотрев прямо в глаза, спросила:

– А вы здесь жить останетесь?

– Не знаю пока, – неуверенно ответила я.

На вид Марьянке было лет пять, но взгляд явно не малого ребёнка.

– Пойдёмте в дом. Ульяна, Марьяна, помогите на стол собрать.

– А мы с Николаем пока развлекать тебя будем, – как-то натянуто улыбнувшись, сказал Сеня.

Пока хозяйки хлопотали над столом, меня пригласили в мастерскую, что была в соседней комнате. Помещение едва могло вместить трех-четырёх человек. Всё место занимали полки с инструментами и разными материалами. Отдельная полка была с поделками.

– Какая красота! Чьих рук? – осторожно беря в руки деревянного медведя, спросила я.

– Моих, – скромно ответил Николай.

– Да ты что?! Ты же настоящий мастер! Я такой красоты не видела никогда!

Любоваться действительно было чем. Множество мелких деталей, кропотливо вырезанных на небольшом куске дерева. Медведь, казалось, сейчас оживёт в руках!

– Сколько тебе лет?! – всё удивлялась я таланту молодого мастера.

– Двенадцать будет скоро.

– Ты – молодец!

– Спасибо, – ответил Николай и прозвучало это так просто, словно ничего особенного в этой поделке и не было. Так, обычное дело.

– Пойдём-те все к столу, – позвала нас Маша.

Время за разговорами пролетело незаметно. Маша с Сеней рассказывали много всего интересного про деревню, свою семью, бабушку Лукерью.

– Бабушка твоя сказочницей была. Очень любили её дети деревенские. Если кому уехать нужно было по делам, знали, что можно бабушке Лукерье доверить, – с любовью сказала Маша.

– И мы ей своих доверяли. Жаль, рано ушла, – поддержал Сеня.

– По своим она тосковала. Чужие дети не то, что свои. Тем более когда свои недалеко. Извини, Марьяна, – сказала Маша и встала из-за стола. – Пойду детей уложу. Оставайся у нас сегодня.

– Нет, спасибо большое за гостеприимство, но я лучше дома переночую.

– Что решила? Останешься? – спросил Сеня.

– Не знаю. Наверно нет. В городе меня работа ждет, уже все налажено. А здесь? Все с нуля. Да и кроме химии я ничему больше научить не смогу. Какой из меня деревенский учитель? А дом? За ним уход нужен, мужская рука. Я одна не смогу.

– Не торопись. Дом добротный, ещё подождёт. Подумай, – крикнула из соседней комнаты Маша, расстилая постели.

Я тоже встала из-за стола, собираясь уходить.

– Подожди, проводим тебя с Николаем. Тут и раньше в тёмное время беспокойно было, а сейчас и подавно.

– Хорошо, – ответила я.

Сеня вышел во двор, а я направилась в комнату, где была Маша с девочками. Прислонившись к дверному косяку, я наблюдала очаровательную картину: мама расчесывала волосы Марьяне, а Ульяна, сидя по-турецки на кровати, расчесывалась сама большим деревянным гребнем и напевала старинную колыбельную.

– Сейчас я вам расскажу сказку и спать, девочки, – сказала Маша.

– Мам, а пусть нам сегодня тётя Мара расскажет! – предложила Марьянка.

– Какая же она тётя Мара? Тётя Марьяна ты хотела сказать? – поправила дочь Маша.

– Нет, я не ошиблась. Она – Мара. Богиня ночных сказок! – весело засмеявшись, крикнула Марьянка и подпрыгнула на постели.

– Ох, и выдумщица ты, Марьянка! – сказала Маша.

– Я бы не против, но не знаю ни одной. У меня же нет ещё деток, – развела я руками.

– А ты, тётя Мара, попробуй! Это несложно. Твоя бабушка же сказочницей была, значит и ты можешь, – не унималась Марьянка.

– Я даже не знаю...

Четыре любопытных детских глаза смотрели на меня с надеждой.

– Ладно, попробую, – волнуясь, согласилась я.

Маша ушла прибирать со стола, а к нам присоединился Николай. Я присела на краешек Марьяниной кровати и, немного помолчав, начала свой рассказ:

– Вы наверно слышали легенды про Большую медведицу?

– Не-ет, – хором ответили дети.

– А я вам сейчас поведаю. Жила-была на свете девочка одна. Звали её Хавронья. У неё были очень добрые мама и папа. Жили они в избушке старенькой в дремучем тёмном лесу. Папа Хавроньи лесничим был, а мама его всегда дома дожидалась да хозяйством занималась. Пришла зима. В лютые холода особенно тяжело приходилось им, но ничего. Любовь и сплоченность семьи делали своё доброе дело. Все невзгоды переживали. Как-то раз дедушка Мороз особо лютовал на дворе. Все сено замерзло и Буренку кормить нечем стало. Отказалась та давать молоко. Вроде и страшного ничего, можно и снега натопить. Да снег не молоко. Не наешься шишко. Собрался папа Хавроньи в деревню идти, хотя бы дочурке любимой молочка раздобыть. А путь-то неблизкий. Уж уговаривали жена с дочкой его, уговаривали, а он всё одно. Пока спали, ушёл рано утром, не попрощавшись. Целый день он шёл и к вечеру уже дошёл до деревни. Добрые крестьяне конечно же поделились с лесничим припасами своими: молоко дали, сыра, хлеба свежего. Да и лесничий не с пустыми руками пришёл. Угостил дарами лесными: черникой в сахаре и грибами сушеными. Уговаривали на ночлег остаться да не согласился он. Сказал, дома его ждут и глаза не сомкнут, пока не вернётся. Перекрестив на дорогу, отпустили.

Лесничий не боялся ночью ходить. Лес его любил и оберегал. За всю жизнь, сколько было опасных случаев, всегда жив-здоров оставался. Потому что и он лес любил и берёг, как мог. На животных ради забавы не охотился, на дрова только ломаные деревья брал, грибы с ягодами собирал аккурат по аппетиту. Если грибочек нашёл и срезал, то всегда листву или хвою на место прибирал. Мусор никакой после себя не оставлял. Ходили только легенды всякие про медведицу одну. Непохожа она была на обычных лесных медведей. Раза в два выше самого высокого мужика на деревне.

Шириной, что шкаф старинный дубовый. А рычать начинает, душа в пятки уходит. Кто с ней встречался, того больше в деревне не видели.

– А как же понимали, что с ней несчастный встретился? – полюбопытствовал Николай.

– Слухи доходили. Охотники следы лап огромных находили, – для пушей убедительности я руками показала размер лапы медведицы и, немного расширив глаза, продолжила. – А ещё возле следов находили вещи этих несчастных: то ружье, то нож охотничий.

Так вот, – продолжила я. – Никто не знал когда и зачем она приходит. Что ищет. Шёл-шёл лесничий, быстро шёл, как мог. Все тропки, как свои пять пальцев, знал. Огибал тропки волков и кабанов диких. Да те и сами боялись людей. А если и нападали, то причина на то была веская.

Вот уж меж деревьев огонёк забрезжил. Дома его ждали. И вдруг, откуда ни возьмись, вырастает пред ним чудище мохнатое и рыком своим обозначает, что дальше он не пройдёт. Как вкопанный встал лесничий. Ни рукой не может пошевелить, ни ногой. Глаза закрыл и стал уж с жизнью прощаться. Одна мысль только была в голове, как бы доченьке молоко сохранить. Рык прекратился и почувствовал лесничий горячее дыхание у правой руки. Там, где сума с гостиницами была. Промелькнула мысль, что голодна наверно медведица. Зима ведь. Спать медведи зимой должны, а эта шатается по лесу, пугает народ. Начал он ей гостинцы один за другим из сумы доставать. Сначала хлеб, потом сыр да и молоко отдал. Жаль ему стало медведицу. Та, с удовольствием причмокивая, съела всё. Понюхав лесничего на прощанье, словно проверяя, всё ли отдал или утаил чего, она исчезла в ночном мраке.

Ни жив, ни мёртв лесничий добрался до дома своего. Жена с дочкой кинулись его обнимать-целовать и приговаривать:

– Не расстраивайся! Вместе завтра за молоком ходим и в деревне переночуем. Главное жив-здоров вернулся! В рубашке родился, раз Большая медведица не тронула.

– Угу, – только и кивнул головой лесничий и уснул.

Наутро они собрались пораньше, взяли припасов побольше, вдруг Большая медведица снова им повстречается. Впереди шёл лесничий, а за ним дочка с женой. Дошли они до того места, где лесничий медведицу встретил, а там поляна зеленеет сочной высокой травой. Тут у лесничего и жены его дар речи пропал. Как такое возможно? Диво да и только!

– Мишенька, это же тебя Большая медведица отблагодарила! – догадалась жена. – Ты её накормил, последнее отдал, не пожалел, а она коровке нашей травку в благодарность дала.

Проталина та до конца зимы держалась. Ни снегом её не заносило, ни стужа не брала. Всю зиму семья лесничего бед не знала. Суровую зиму пережила припеваючи. И с тех пор, уходя в лес, лесничий всегда оставлял краюху хлеба и крынку молока на том месте, где медведицу повстречал. Тут и сказке конец.

Я тихонько встала с кровати, укрыла одеялом Марьянку и пошла к двери. Там, в проёме, подперев рукой подбородок, стояла Маша.

– Марьяна, спасибо! – шёпотом сказала подруга и вошла в комнату. – Не уходи. Детей поцелую и провожу тебя.

Уходя, я услышала тоненький голосок Марьянки:

– Мам, тётя Мара – настоящая сказочница! Ещё лучше даже, чем бабушка Лукерья была. Только глупенькая немного...

– Почему же глупенькая, Марьянушка?

– Она не понимает, что рассказывает совсем не сказки.

– Тётя Марьяна просто в деревне не жила, только в гости приезжала.

– Я хочу, чтобы она жить осталась здесь.

Через минуту Маша вышла и я, простившись с ней, вышла во двор, где меня ждали Сеня и его сын Николай.

Глава 4. Тришка

На улице уже успело стемнеть. Мы шли сначала молча, но потом Николая, как прорвало:

– Пап, пап, тётя Марьяна такую сказку нам рассказала! Такую!

– Какую? – уточнил Сеня.

– Я чуть не уснул!

– Так сказки на ночь для того и нужны, чтобы засыпать, – улыбаясь, сказала я.

– Колю трудно сказками уложить спать. Он у нас крепкий орешек.

– Тебе понравилась сказка? – спросил Сеня.

– Очень! Я бы каждый день слушал! – выпалил Николай. – Немного было страшновато, но очень интересно, чем всё закончится. Тётя Марьяна, а вы завтра придёте новую сказку рассказать?

– Не буду обещать. Не знаю, Коля. А вы сами не боитесь по улицам ночью ходить? – перевела я разговор на другую тему.

– А чего бояться? Чему быть, того не миновать, – ответил Сеня.

– Зачем меня тогда пошли провожать, если, как ты говоришь, чему быть, того не миновать?

– А как не пойти? Не по-человечески как-то это. Неприлично.

– А-а, – улыбнулась я.

Впереди показалась калитка теперь уже моего дома. На небе не было ни облачка и луна ярко освещала дорожку. Сеня с сыном уже пошли обратно, а я, затворив калитку, собралась было направиться к дому, но что-то меня остановило. Слева в кустах явно кто-то был. Мозг судорожно соображал что лучше, позвать на помощь Сеню или успею добежать до двери. Я стояла и ждала, что будет дальше. Но ничего не происходило и я медленно направилась в сторону дома. Кусты зашевелились и, прихрамывая, оттуда вышла крупная собака. Я увидела, что передняя правая лапа сильно повреждена. То ли в капкан угодила, то ли ещё в какую-то ловушку. Не подумав, я кинулась навстречу. Собака оскалилась, обнажив длинные передние клыки, но, слабо зарычав, повалилась на бок. Я подбежала к ней и в первую очередь нащупала на шее пульс. Жива.

– Это хорошо, – с облегчением выдохнула я и побежала в дом за аптечкой. В бабушкином серванте был целый отдел с лекарствами, бинтами и другими аптечными средствами. Схватив бинты, зеленку и ножницы, я подумала, что неплохо было бы сначала промыть рану. Но вдруг, пока я тут буду воду готовить, пёс очнется? Значит, промою холодной.

Осторожно приоткрыв дверь, я увидела, что пёс так и лежит на земле. Хорошо бы посадить его на цепь. Безопаснее было бы все-таки. Но цепи у меня не было. Я медленно подошла к нему, опустила на колени и, быстро обработав рану, туго обмотала бинтом.

Напоследок я погладила пса по голове, приговаривая:

– Ох, и досталось же тебе, бедняга. Как тебя так угораздило?

Звонить Маше с Сеней было уже поздно и я решила оставить этот вопрос до завтрашнего утра и легла спать. Снова беспокойные сны. Снова бабушка Лукерья. На этот раз она ничего не рассказывала, только улыбалась загадочно.

С утра первым делом я выглянула в окно, которое выходило на калитку. Собаки на земле не было. Виднелись только разорванные бело-красные бинты. Набрав Машу и быстро объяснив суть дела, я попросила их прийти ко мне.

Друзья пришли быстро. Сеня начал осматривать кусты, держа в руках дедовское ружье.

– А это зачем? – махнула я головой в сторону ружья.

– Мало ли. Для защиты, – сдвинув брови, ответил Сеня.

Маша с обеспокоенным лицом осматривала меня.

- Она тебя не тронула?
- Нет. Она почти сразу без сознания рухнула. Так жалко её стало.
- Непонятно, как пришла и куда ушла, – развёл руками Сеня. – С такой-то травмой через забор не попрыгаешь.
- Жаль, что ушла. Собаку бы завела себе. Та, что сама приходит, хороший знак, – заметила Маша.
- Только собаки мне и не хватало. Я бы оставила, но ведь я ещё не решила ничего. Мне в город нужно будет вернуться. Ой, не знаю, что делать, – ответила я.
- Сейчас же лето. В школе каникулы. Поживи здесь, а там видно будет, – предложила Маша.
- Тришка...
- Что? – переспросила Маша.
- Я бы Тришкой его назвала. Трифоном, – задумчиво сказала я.
- Ну, видно не судьба. За помощью пёс приходил. Оклемався и ушёл, – почесав затылок, сказал Сеня.
- Хорошо. Раз уж я тут задерживаюсь, подскажите, где продуктов купить можно? А то я с собой ничего не брала.
- Есть тут у нас магазинчик небольшой. Мелочи там можно прикупить, а завтра в Кулешово съездим вместе. Заодно тебе наш центр покажем, – улыбаясь сказала Маша.
- Магазинчик был в десяти домах от меня. Купив хлеб, молоко, чай и сахар, мы пошли обратно. Друзья одну меня не отпустили и правильно сделали, потому что, возвратившись, мы увидели возле крыльца моего пса.
- Охо-хо! – присвистнул Сеня.
- Тришка! Вернулся! – крикнула я, отворяя калитку.
- Не успела я опомниться, как прозвучал выстрел и собака метнулась на задний двор.
- Ты что делаешь, Сеня? – ошарашенно взглянула я на друга.
- Может и правда тебе лучше в город вернуться. Всегда мы тебя выручать не сможем. У нас свои дети есть, а ты, что ребёнок себя ведёшь, – ворчал Сеня.
- Но он же ничего нам не сделал! – непонимающе развела я руками.
- И Слава Богу! Иначе точно отправил бы на тот свет! А так я только попугал. В воздух выстрелил. Видимо сильно прижало, раз к людям вышла.
- Так это не он, а она?! – удивилась я.
- Да, Марьяна. И тебе очень повезло. Если бы не травма, от тебя могли только косточки и остаться.
- Косточки?! От чего здесь собаки такие одичавшие?
- Собаки? Это волк! Вернее волчица, – сказал Сеня, немного повысив голос. – Вот поэтому и говорю, что лучше бы тебе в город вернуться. Пропадешь тут. Волка от собаки отличить не можешь!
- Сеня, не напирай. Сама решит. В конце концов, а мы для чего тут? Привыкнет, объясним, научим, – заступилась за меня Маша.
- Меня пробрал озноб. Я помогала волку! А если бы он... ой, она... очнулась?! Действительно не поздоровилось бы.
- Ребят, спасибо вам большое за помощь. Я домой пойду. Мне подумать нужно.
- Я с тобой! – пошла за мной Маша.
- Нет. Мне нужно побыть одной, – твёрдо сказала я.
- Мы за тобой к обеду придем. Посидим у нас, может на ночь останешься. Сегодня Юра придет, познакомьтесь. Хорошо?
- Хорошо, – устало сказала я.

Меня уже начала немного напрягать вся эта ситуация с домом. Продать бы его и забыть уже обо всём? Все эти сны, сказки, собаководки... Зачем мне всё это? Прощаясь с друзьями, я уже для себя решила, что завтра рано утром уеду. Говорить ничего не буду. Знаю, что Маша начнёт уговаривать. Но сегодняшнее предложение решила не отклонять. Это и будет, так сказать, прощание. А покупателей можно и, сидя в городе, искать.

Я вошла в дом и легла на бабушкину кровать. Как они на этих кроватях спали? Панцирная сетка сильно растянулась и создавалось впечатление, что сплю я в люльке. Причём очень неудобной люльке. Почему я раньше этого неудобства не заметила? Видимо не до того было. Прислушиваясь к тишине дома, я вспомнила о волчице. Волчица. Волк! Но почему она пришла ко мне? Я хоть и городская, но не думаю, что это было простое совпадение. Сеня прав. Не смогу я здесь жить. Волка от собаки не отличила. Не будут же они на каждый мой зов прибегать. Решено, завтра с утра уеду!

Я посмотрела на часы и не поверила, что пролетело два часа. Как так?! Скоро Сеня с Машей придут, а я не собралась даже! Неизвестно сколько у ребят просижу да и вечером наверно не очень захочется собираться. Я, нехотя, встала и начала упаковывать чемодан.

Как и договорились, в обед я услышала стук в дверь. Открывая её, я и не думала, что с того момента моя жизнь перевернётся на все сто восемьдесят градусов.

Глава 5. Гребень

Я отворила дверь. На пороге стоял молодой мужчина. Неказистый, шупленький, с деревянной тросточкой в руках.

– Здравствуйте! Вы – Марьяна?

– А что вы хотели? – не очень дружелюбно спросила я.

– Меня зовут Юра. Я...

– Брат Маши? – перебила я его.

– Да. Я за вами пришёл. Сеня с Машей готовятся к вашему приходу. А мне всё равно делать нечего было, я и вызвался сопровождать вас.

– Понятно. Подождите минутку, я соберусь и выйду.

Закрыв дверь перед носом Юры, я ещё раз проверила всё ли сделала, всё ли собрала и, убедившись, что готова, вышла во двор. Юра ждал меня около калитки.

Мы шли молча. Юра смотрел по сторонам, разглядывая дома, и украдкой поглядывал на меня. А я думала, как же верно его бабушка описала. Разговор не клеился. Не сказать, что я необщительная, но вот с чего начать никак не приходило в голову. Хоть бы он начал, а то идёт тоже молчит. Так и дошли до избышки Сени и Маши.

Подруга с порога начала расспрашивать:

– Не приходила больше волчица? Познакомились? Юра? – обращаясь уже к брату спросила Маша. – Познакомились?

– Маша, ну конечно познакомились. Что за глупые вопросы, – смущённо сказал Юра.

Младшая дочь друзей, Марьянка, не отходила от Юры. Так до самого вечера и просидела возле него. Ульяна с Николаем, хоть и постарше будут, но тоже ближе к Юре сели.

– Марьяна, рассказывала про свой сон? – опять допытывалась Маша.

– Да мы как-то почти не говорили. Не успели, – оправдывалась я.

– Как не успели? Идти до нас минут десять, не меньше! И всю дорогу молча шли что ли? – удивилась подруга.

– Как-то так. Маша, ну чего ты пристала, в самом деле. Вот сейчас за столом и поговорим, – сказал Юра.

– Ну раз вы такие стеснительные, тогда я буду вас на разговор выводить, – развела руками Маша. – Юр, что там случилось у тебя на работе? Насколько серьёзно всё?

– Жить буду. Сам виноват. Элементарную технику безопасности нужно было соблюсти, а я проигнорировал, за что и поплатился. Легко отделался ещё. Пара рёбер и ушиб ноги всего-то. С тросточкой походить немного придётся. А могло быть всё гораздо печальнее. Когда двери начали распахиваться, меня будто сила какая-то в сторону оттащила. Думаю никто не заметил даже. Все были собой увлечены. Что это было так я и не понял. Чудо да и только. Но после этого сильно захотелось в родные края вернуться. Всю жизнь в городе жил, а тут прям в деревню тянуть стало.

– А мы как рады! Юра, это замечательно! Знаешь, как тяжело без молодых. Вот и Марьяну уговариваем переехать. Бабушка у неё померла, дом ей оставила. Живи – не хочу. А она и не хочет. В город всё торопится, – сказала Маша, убирая со стола грязные тарелки.

– Ну, тут я ничего не скажу. У меня здесь дома нет да и в деревне я не жил. Уговаривать аргументов нет, но вот что сила какая-то тянет сюда, тут спорить не буду, – задумчиво сказал Юра.

– А сила не та же случайно, что на работе помогла беды избежать? – спросил Сеня.

– Похоже она, – улыбнулся Юра.

– Оставайся, Марьяна. Вдруг у вас с Юрой семья получится, – сказала Маша.

Я покраснела, а Юра за нас двоих ответил:

– Маша, ну ты, как всегда! Мы люди взрослые, сами разберёмся. Может я Марьяне совсем не понравился, а ты навязываешь. Да ещё не просто общение, а семью! Смотри, сбежит в город из-за тебя, – улыбаясь, говорил Юра и опять поглядывал на меня.

Так и есть, он мне совсем не понравился. Не мой типаж. Слишком худой, чуть выше меня и по дороге к друзьям молчал. Да и не почувствовала я ничего, увидев его: ни ёканья сердца, ни волнения, ничего. Но вот его улыбка меня тронула. Ему очень шло, когда он улыбался.

– Простите. Что-то я не подумала даже. Просто, представляете, как было бы здорово, если бы вы... Ладно, ладно, молчу... – Маша переключилась на детей, что тем пора ко сну готовиться.

– Тётя Мара, расскажешь сегодня сказку нам? – потянула меня за рукав Марьянка.

– Как я тебе откажу? Попробую что-нибудь придумать, – ответила я.

– Марьяна, пойдём волосы расчешу сначала, а потом уже сказки будут, – позвала дочь Маша.

Марьянка отпустила мой рукав и помчалась вприпрыжку в спальню, где уже ждала её мама.

– А что за сон ты видела про меня? – осмелев видимо, спросил у меня Юра.

– Приснилась мне бабушка. Она сказочницей местной была. Сколько помню её, сказки всё рассказывала. И на ночь сказку, и если что-то объяснить нужно, тоже сказкой объясняла. Так и во сне, рассказала сказку про молодого охранника, что по глупости погиб. Толпа его раздавила в Торговом центре, а звали того охранника Юра. И ещё сказала, что сказка эта тому учит, что на своей земле нужно жить, а не по чужим добра искать.

– Ого! Сон, как говорится, в руку. Дела... Вот и не верь потом в байки деревенские, – разглядывая свои ладони, задумчиво проговорил Юра.

– Тётя Мара! – окликнула меня Марьянка. – Пора сказку рассказывать!

– Ну что, пойду я, – улыбаясь сказала я. – Не знаю конечно о чем рассказывать буду. Я же не сказочница, как моя бабушка была.

– А ты расслабься и не думай о том, что рассказать надо. Оно само и польётся, – посоветовал Юра.

Не ожидала я от него такого мудрого совета.

– Спасибо, попробую, – ответила я и пошла в спальню к детям.

Только я вошла, как сразу поняла о чем буду сказку рассказывать.

– Ну что? Готовы?

Ульяна, Коля и Марьяна, укрывшись одеялами до самого подбородка, уже с нетерпением ждали о чем же будет сегодня сказка. Почти не дыша, они внимательно смотрели на меня.

– Сегодня я расскажу вам сказку про деревянный гребешок.

– Это тот, чем девчонки волосы чешут? – разочарованно спросил Коля. – Мне тогда сегодня сказку неинтересно будет слушать.

– Не торопись, Николай. Не так просты гребни, как кажется, – я поглубже вдохнула и начала свой рассказ.

Жил-был царь один и была у него дочка. Красавица неопишемая, но вот замуж никак выйти не могла. Приходили женихи свататься, да всё что-то не те. Она и сама сказать не могла что с ними не так. Не нравились и всё тут.

Отчаялся царь дочь вовремя замуж выдать и решил обратиться к колдовке одной. Сейчас их колдуньями называют. Ведьмами то есть. Да узнать у неё, может проклятье какое на его семье лежит.

Собрался он. Самых лучших молодцев взял с собой для охраны. Путь неблизкий лежал и опасный. Могли и разбойники, и болота, и ещё беда какая на пути повстречаться. Долго ли, коротко ли, шли они, шли. День шли, два шли, а избы колдовки старой так и не было видно. Заплутали, начал уж было думать царь. А то его колдовка так испытывала. Кругами водила.

Проверить хотела насколько сильно царь помочь хочет чаду своему. Не все молодцы с ним дошли. Кто в болоте сгинул, кого звери лютые задрали в лесу. Но царя это не остановило. Нашёл он-таки избушку колдовкину.

Обратился он к ней за помощью, а колдовка и говорит:

– Неужто, царь, стоило молодцев добрых губить, ради глупости своей?

– Почему глупости? Я хочу узнать почему дочь жениха найти не может никак. Что за напасть? Может проклятье какое на роду нашем? От этого судьба царства всего зависит. Дочь наследника не родит и достанется государство недругам каким. А ты говоришь глупости!

– А глупости, потому что сам не знаешь и дитё свое научить не можешь, каким муж должен быть.

– Не знаю. Жена-то при рождении Марфы померла. Она и унесла все секреты с собой. А я что? Я только государством править умею.

– Возьми меня к себе во дворец жить. Советником твоим буду. В сложных ситуациях помогать, вопросы государственные буду подсказывает, как лучше решить.

– Ты что, на царское место решила посягнуть?! – сдвинул брови царь.

– Ой, батенька, куда мне?! Что ты, что ты! Кто ты, а кто я? Колдовка старая да и только. Ладно, будь по-твоему. Расскажу, что твоей царевне делать надобно. Созвать нужно женихов со всего света, дать им задание гребни привезти царевне. Сказать, что по гребню и будет она жениха выбирать. Да только скажи царевне своей, чтобы гребень выбрала самый простой, деревянный. Тот, кто оный гребень преподнесет, тот и будет её суженым.

– Деревянный? Разве моя дочь не заслуживает подарков богаче?

– Вот я и говорю, что балда ты, хоть и царь.

– Ты, колдовка старая, говори, да не заговаривайся! Не забывай с кем разговариваешь!

– А то что? Ну, давай, прикажи молодцам своим мою голову с плеч рубить! Вовек не узнаешь тогда секрета гребня деревянного!

– А ты мне и не нужна больше! Всё, что нужно, я узнал, – сказал царь и собрался было возвращаться домой.

– Не возмёшь меня во дворец советником, не жить тебе на свете спокойно. Всю жизнь, словно в клетке метаться будешь!

– Ах ты, карга старая, угрожать мне вздумала!

И приказал он молодцам своим срубить колдовке голову за язык её острый. Но не тут-то было. Превратилась колдовка в ворона чёрного и была такова.

Ничего не оставалось царю, как собраться и домой плестись. Добрался он с оставшимися молодцами до дворца своего, а его повсюду народ печальный встречает.

– Что случилось? – спрашивает он у крестьянки одной.

– Ой, беда, батюшка-царь. Беда! Пока ты в разъездах был, место твоё колдовка старая заняла. На нас хворь наслала и царевна твоя лежит, что красавица спящая. Чем не угодили, не знаем. Сказала нам, что только ты, вернувшись, всё наладить сможешь.

Побежал царь во дворец свой, а там на троне колдовка восседает да с его советниками диалоги ведёт. Только глянула на царя, дружине знак дала и те уже держат несчастного в своих цепких объятиях.

– Не хотел по-хорошему, царь. Значит будет по-другому.

Ногой колдовка топнула, пальцами щёлкнула и превратился царь в кота. Пушистого такого, рыжего.

– Будешь в таком обличьи ходить всю жизнь, ежели дочка твоя ошибется и гребень выберет не деревянный, а какой другой. Свадьбе быть, а я пока тобою стану, дабы вопросы у женихов не вызывать. Топнула ножкой, щёлкнула пальцами и обернулась в царя. Сняла хворь со всех людей в царстве и велела готовить царевну к свадьбе.

В назначенный день стали съезжаться женихи со всего света. Человек сто приехали, не меньше. Друг перед другом хвастаются, меряются богатствами своими, у кого злата да серебра больше. Один только в сторонке стоит и на всю эту братию поглядывает с ухмылкой, а в руке сжимает обыкновенный деревянный гребень. Остальные смеются над ним, что с таким подарком к царевне приехал. Видать, мол, небогат жених.

Наконец-то в залу вошла царевна и женихи сразу на неё уставились, замолчав. Колдовка-царь представила царевну женихам и сказала, чтобы те по одному подходили к ней и знакомились. Затем царевна выбор свой сделает.

Так и было. По одному женихи подходили, дарили гребни один другого краше: золотые, серебряные, усыпанные камнями-самоцветами разными. Старались впечатление произвести, рассказывая о себе всё самое лучшее. Дошёл черёд и до жениха с деревянным гребнем. Подошёл он к царевне, а рядом у ног кот рыжий трётся. Но жених кота не прогонял, наоборот на руки взял и погладил ласково. Царевне это понравилось. Затем спросила она, отчего же гребень такой простой, а не как у других. На это ответил он, что гребень силу должен нести целебную, раз волос касается. А металл эту силу себе забирает наоборот. Протянул он гребень царевне, поклонился. В тот момент рыжий кот и прыгнул к хозяйке новой на колени и начал о гребень тереться, будто показывая, что его выбрать нужно.

– Как тебя звать-величать?

– Иваном.

– Из какого княжества или королевства будешь, Иван? Чей сын? – спросила колдовка-царь, прищурившись.

– Вашего королевства я работник. Сын кузнеца Егора.

– Где гребень взял? – улыбаясь глазами, продолжала выпрашивать колдовка у Ивана.

– Так сам сделал. Из осины. Осина нечисть отгоняет и хворь снимает. Вот и принёс царевне подарок этот. Слышал я захворала она, так вот нужно на ночь перед закатом и утром после рассвета косы расчесывать. Тогда и сила прибывать будет и хворь уйдёт и не вернётся.

– Не по годам ты, Иван, мудр.

– Это батюшке с матушкой спасибо. Они мудростью наградили.

Сказал Иван и ушёл восвояси, никто его даже не остановил. Только потом уже советники нашептывать стали, что отпускать не надо было. Жених все-таки.

Остальных женихов тоже попросили удалиться, дабы царевне время дать на раздумья.

– Но, батюшка, ты сам говорил, что жених царских кровей должен быть. А этот – простой человек, – обратившись к колдовке-царю, сказала Марфа.

– А ты сама, как считаешь? – спросила её колдовка.

– Душа к нему потянулась да и животина всегда добро чует. Котофей именно об него терся и на руки к нему запрыгнул, а Иван не шугнул его, а приласкал, – сказала Марфа, проведя осиновым гребнем по котовой шерсти.

Тут кот выскочил из рук царевны и обернулся царём. А колдовка щёлкнула пальцами, топнула ногой и превратилась обратно в себя.

– Во дела! – зашептались советники.

Царевна, не веря глазам своим, упала в обморок.

– Ты прости меня, колдовка. Я понял всё. Без жены сердце совсем зачерствело. Перестал жизнь чувствовать и ответы правильные находить, – грустно сказал царь и сел на трон, понунив голову. – Ты хотела советником моим стать. Так тому и быть. Показала ты на деле знания свои. Прими в награду должность почетную.

– Нет, царь-батюшка. Благодарствую. Не должность мне нужна была, а важно было смысл донести тебе. Если бы я просто объяснила, что нужно так-то и так-то сделать, дал бы ты дочери своей замуж выйти за простого человека? Скорее всего нет. А ведь Иван не сын кузнеца. Его разбойники украли, когда королева с сыном владения свои объезжала и бросили в нашем

городе. Из соседнего королевства он. Напишите его маменьке письмо, чтоб приезжала. Она своего сына узнает без колдовок всяких. Сердце материнское не обманешь.

Так и сделали. Царь письмо написал в соседнее Королевство. Было много радостных слез, объятий, признаний. Свадьбу тут же сыграли молодым, а следом ещё одну. Царь на колдовке женился, потому что вовсе она не старой оказалась. В благодарность он ей гребень из ясеня выстрогал, а та, как по косам своим прошла этим гребнем, так на глазах помолодела. Царь в тот же миг сердцем и ожил. Да ещё советника личного обрел в её лице, преданнее которого не сыскать на свете, и целителя личного. Потому что колдовка целителем была по сути своей, а не злой колдуньей.

Говорят, что силу гребню мужчина даёт. Дочерям отцы гребни делают, ну а девушкам на выданьи – их возлюбленные. Только тогда в гребне сила волшебная будет. Никак иначе. Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец!

Я обвела комнату взглядом, а ребяташки уже спали безмятежным сном. В какой момент кто уснул, не скажу даже. Надеюсь смысл сказки они успели уловить.

Выйдя из детской, я увидела плачущую Машу и задумавшихся Сеню с Юрой.

– Ты чего, подруга?

– Как хорошо, что так всё хорошо закончилось. Я так за царя рада, – доставая из кармана платок, захлюпала опять Маша.

– Это же сказка! Маша, соберись!

– Да я понимаю, а переживала всё равно.

– Ладно. Поздно уже. Пойду я домой, а то... – чуть не проговорила я, что домой завтра собралась уезжать.

– А то? – переспросил Сеня.

– А то совсем поздно будет, – выкрутилась я.

– Я провожу, – сказал Юра и пошёл к двери.

Я и не ожидала, что он может быть таким решительным. По его молчанию и смущению днем я сделала вывод, что он тютя-матютя. Приглядеться бы к нему, да я уезжаю завтра.

Глава 6. Пожар

– Марьяна, а как ты так истории придумываешь? Мне очень понравилась сказка. Голос у тебя завораживающий, – выходя из избушки и, перекинув через плечо ружье, сказал Юра.

– А это зачем? – ткнув в приклад пальцем, спросила я. – Думаешь она вернётся?

– На всякий случай. Тут, кроме волков, и другие звери есть.

– Понятно.

– Так, как ты сказки придумываешь?

– Не знаю. Само как-то приходит, а я только говорю.

"Надо же, разговорился", – подумала я.

– А я тоже иногда сочиняю. Только не говорю никому. Ты – первая.

– А мне почему рассказал?

– Не знаю. Мне кажется ты никому не скажешь.

– Можно почитать?

– Не записываю. Всё в голове, – постучав пальцем по виску, ответил Юра.

– Понятно. А я не писала никогда. Это ребяташки попросили сказку, я им и придумала.

– Запиши, пока не забыла. Кто его знает, может книга твоя со сказками будет из поколения в поколение передаваться.

– Жаль бабушка Лукерья не вела записи. У неё столько сказок было да былин, на всю жизнь хватит!

– Ты видимо по наследству переняла.

Так мы незаметно и дошли до моего дома. Было странное ощущение недоговорённости. И говорили бы, и говорили. Я уверена и Юра то же самое чувствовал, потому что уходить не торопился.

– Ну, вот мы и пришли...

– Быстро так, – улыбаясь, сказал Юра и продолжал топтаться на месте.

– Ну, я пошла..

И открыв калитку, я зашла во двор. Юра зашёл за мной.

– Ты извини, пригласить тебя на чай не могу. Я только на два дня приезжала...

– Нет-нет, ты подумала я в гости напрашиваюсь? Нет! Марьяна, я убедиться хочу, что из кустов не выйдет опять зверь.

– Ой, извини, – засмутилась я.

Хорошо, что была ночь и он не видел, как моё лицо залила краска. А я-то подумала, он в гости набивается. Юра взял меня за руку и сказал:

– Марьяна, пока сама не пригласишь, не переживай, врываться не буду.

Он отпустил мою руку и развернулся, чтобы уйти.

– Юра! – позвала я и голос предательски дрогнул.

"Ну что за дуреха! Нормально-то сказать нельзя что ли?" – ругала я себя.

Он резко повернулся, будто только этого и ждал.

– Что?

– Спасибо тебе. Спокойной ночи!

– Да не за что. И тебе спокойной ночи! – ответил Юра и пошёл до калитки. Там он дождался, когда я открою дверь и зайду внутрь.

Заперевшись на все замки, я прислонилась спиной к двери и задумалась. Между мной и Юрой явно чувствовалась какая-то невидимая связь.

– Не надо мне об этом думать. Завтра я уезжаю, – тряхнув головой, словно отгоняя мысли, сказала я и пошла спать.

Ночью я проснулась от странного звука. Кто-то настойчиво скрёб стену снаружи. Я выглянула из окна, но, никого не увидев, снова легла в постель. Сначала пришла мысль, что это мыши, но потом я её откинула. Слишком большие должны быть мыши, чтобы так сильно и громко скрести. Я лежала и прислушивалась. Звук явно шёл от стены, где стояла моя кровать, будто тот, кто скреб, знал, что я лежу здесь. Но кто это может быть? Может Тришка пришла?

Тихонько встав с кровати и выглянув в окно, я вновь никого не увидела, но и звук прекратился. Зато появился сизый туман. Солнца ещё не было видно. Всё вокруг начало приобретать неясные очертания. Скоро рассветет и можно будет собираться в дорогу. побыстрее уехать уже отсюда. В городе всё привычнее и спокойнее.

Перед дорогой захотелось попить чай и, собравшись идти на кухню, я заметила, что весь дом в этом тумане.

– Разве такое может быть? Окна закрыты. Туман не может быть... Если это не дым! – осенило меня.

И тут я почувствовала лёгкий запах гари, как пахнет в бане, когда горят берёзовые поленья.

– Дом! Дом горит! Он же деревянный!! – вскрикнула я и бросилась к выходу.

Выбежав на улицу, я начала искать источник пожара, но огня не было видно. Снова забежав домой, я бегала по комнатам. Дыма внутри стало ещё больше. Он просачивался из-под пола, становился гуще, переливаясь разными оттенками серого и синего цвета. Пожар под полом!

На кухне был единственный лаз в подпол, где хранились соленья, варенье и овощи. Открыв его, я отпрянула назад. Оттуда повалил дым, смешиваясь с языками пламени. Одна я потушить не смогу. Нужно звать подмогу. Телефон в таком дыму найти было уже невозможно да и небезопасно. Я выбежала на улицу. Окна дома начали озаряться оранжевым светом пламени. В два счета пламя поднялось до крыши и вот уже вся изба полыхала, как костёр на Масленицу. Звать кого-то было уже бесполезно.

Огонь дальше не шёл. Он, словно замороженный, сосредоточился только на моем доме. Спалив всё дотла, пламя успокоилось и исчезло, оставив после себя лишь белый дым. Сев на траву возле дома, я закрыла лицо руками. Бабушка ведь предупреждала, а я так и не послушала.

Ветерок тихонько трепал подол моей ночной сорочки. Я не замечала, что она уже вся сырая от утреннего тумана и меня потихоньку начинает знобить. Стук зубов начал приводить меня в чувство, но я боялась открыть глаза и увидеть руины.

Рядом хрустнула ветка и я почувствовала горячее зловонное дыхание. Шершавый горячий язык лизнул мою руку. От испуга я вздрогнула и открыла глаза.

– Тришка! – вырвалось у меня.

Но, приглядевшись, я поняла, что это не совсем она. Вернее моя Тришка, но какая-то бестелесная. Словно из тумана. Того самого, который окутал дом. Волчица медленно попятилась к руинам. Я встала и пошла за ней.

– Ты хочешь что-то мне сказать? Или может показать?

Глаза волчицы сверкнули желтыми огоньками. Ветерок подхватил её образ и развеял над пепелищем, а два огонька-глаза медленно спустились к дальнему углу дома. Пробираясь туда меж обугленных останков дома, я ещё издалека увидела большой резной сундук, чудом уцелевший и лишь слегка испачканный сажей. Не про него ли говорила бабушка Лукерья? Подойдя поближе я увидела его во всей красе. Искусно вырезанные узоры изображали лес, озеро, животных, птиц. Медведь здесь конечно был самым, как говорится, главным. Не тот ли это медведь, про которого я рассказывала ребятишкам? Точнее, не та ли это медведица? На мгновение мне показалось, что изображение ожило и медведица потянулась ко мне.

– Б-р-р, – встряхнула я головой. – Что здесь творится? Что за чертовщина?!

Я подошла вплотную к сундуку и потянула за массивное кольцо на крышке, чтобы его открыть.

– Стой! – услышала я чей-то голос.

Я обернулась, но никого не увидела. Повертев головой в разные стороны и так никого и не обнаружив, я снова взялась за кольцо. На этот раз никто ничего не сказал. Сняв крышку с сундука, я ожидала увидеть что угодно, но только не пустоту. Постояв ещё немного около него, я поставила крышку на место и пошла на задний двор. Сундук, про который говорила бабушка, я нашла, хоть и таким печальным способом. Солнце уже взошло и скоро начнет собираться народ, чтобы поглазеть на чужое горе.

За домом невдалеке виднелся лес. Дремучий, темно-зелёный. Именно такой лес всегда описывают в сказках, а тут он вот, совсем рядом. С бабушкой ходили туда грибы с ягодами собирать. С ней не было страшно и лес казался продолжением дома. Но только не сейчас. В эту минуту от него веяло холодом. Недружелюбным и отталкивающим.

Туман потихоньку рассеивался, оставаясь маленькими клочками то тут то там, словно какой-то зверёк решил поиграть с ватой, теребя и разрывая её зубами. Неожиданно из леса вышел человек и быстро приближался ко мне. На нем был зелёного цвета плащ, а лицо закрывал капюшон. Грязные кирзовые сапоги на его ногах как-то не совсем соответствовали времени года и тёплой сухой погоде.

"Такие плащи носили лет пятьдесят-шестьдесят назад", – промелькнуло в голове.

– Здравствуйте, барышня, – ещё издали крикнул человек.

– Здравствуйте, – эхом повторила я.

– Я заметил пожар и торопился помочь, но, как вижу, напрасно. Не успел, к сожалению.

– Да и помочь-то особо нечем было. Слишком быстро всё случилось.

– Да уж, старые деревянные дома горят, что спички, – сказал человек и не к месту заржал словно конь.

– А вы кто? – спросила я с неприязнью в голосе. Мне он не нравился. Нормально развешать так, когда у людей беда?

– Геолог я. Самый главный человек на планете!

"Ого! А скромности ему не занимать!" – подумала я.

– И что же вы делаете в лесу? – поинтересовалась я.

– Работаю конечно же!

– Я работу геологов себе по-другому представляла. Думала, что это группа людей, которые раскапывают землю и тычут туда разными измерительными приборами.

– Вы, барышня, нас с археологами путаете, – сказал геолог и опять заржал во весь голос. – А мы совсем не они. Те ищут, что люди и животные после себя оставили, а у нас миссия выше! Мы исследуем тело земли. Как она растёт, как развивается. Для нас она, как подрастающий ребёнок, – говорил геолог и смотрел будто сквозь меня.

"С головой видимо не всё в порядке", – думала я, ища параллельно предлог избавиться от его компании.

Но предлог, к счастью, и не понадобился. Геолог, сокрушаясь, что так и не помог, быстро ушёл обратно в лес. А я снова села на траву и уткнулась лицом в колени. От неожиданного хлопка по плечу я вскочила и, развернувшись, чуть не закричала. Но, узнав Юру, застыла с открытым ртом.

– Марьяна, ты в порядке? Ты какая-то сама не своя, – спросил он.

– Юра, ты как здесь? Соседи сказали?

У меня дрогнул голос и я заплакала, растирая сажу по лицу. Я даже чувствовала, как слезы смешиваются с мелкими колючими частичками сгоревшего дерева и неприятно щиплют лицо.

– Ну ты чего, Марьяна? Сон приснился страшный? Или волчица опять напугала? – спрашивал Юра, но я его словно не слышала, продолжая плакать и нести несвязную речь.

– Дом... Не осталось... Сундук... Геолог...

Но тут Юра взял меня за плечи и хорошенько встряхнул. Моя голова сначала резко запрокинулась назад, а потом подалась вперёд так, что лязгнули зубы. Ощущение было не из приятных, но зато я сразу же пришла в себя.

– Ой, Марьяна, прости! Не рассчитал! Прости меня пожалуйста! – тараторил Юра, а я обалдело смотрела на целый дом.

– Этого не может быть!

– Марьяна...

– Юра, мне всё привиделось! Юра! – широко улыбаясь, я крепко его обняла.

– Марьяна, что здесь произошло? – спросил он, взяв мои руки в свои.

И я ему рассказала всё с того момента, как он проводил меня до дверей. Про звук, скребущих по стене, когтей, про пожар, сундук и геолога.

– Кстати, а почему ты пришёл? – заканчивая рассказ, спросила я.

– Ты не поверишь, но меня разбудил звук, похожий на тот, что описывала ты. Я тоже услышал, что кто-то скребет стену. А выйдя из дома, увидел волчицу. Она, постоянно оглядываясь, побежала в сторону твоего дома, словно зовя меня за собой. Я забежал в дом за ружьём, а когда вышел, её уже не было. И сразу побежал к тебе, чтобы она чего плохого не натворила.

– Снова волчица. Интересно. Бежала, говоришь? А как же её лапа?

– С лапами у неё все было в порядке. Пойдём к нам чай пить? Что-то от твоего рассказа совсем голова кругом.

И мы пошли. Юра крепко взял мою руку в свою и так до самого дома своей сестры держал её, словно боясь, что и я ему привижусь, а потом растворюсь в утреннем тумане, оставаясь лишь воспоминанием.

Глава 7. Геолог

С тех пор мы с Юрой стали неразлучны. Вопрос о том, чтобы уехать обратно в город, больше не возникал. И совсем не потому, что я испугалась бабушкиных наказов и привидившегося пожара, нет. Я почувствовала, что нужна здесь. Нужна этой деревне, этим детям. Школьных ребятишек я тоже любила всей душой, но в какой-то момент моя работа стала для меня не такой важной. Гораздо важнее стало присутствие в этом месте. Я не знала с чего начать, что я буду делать и как, но самое главное, что была уверенность в своих действиях.

В тот день мы поехали в Кулешово, как и планировали. До поселкового центра ходил старенький оранжевый ПАЗик. В больших городах таких уже давно нет. А в деревне этот раритет ещё жив-здоров, бегает по дорогам и людей перевозит. В груди защемило от приятных воспоминаний из детства, как мы с родителями едем в гости к бабушке или уже с бабушкой едем по её делам в город. Не вспоминались почему-то сутолока и постоянная давка в автобусе, а помнилось только самое главное – родители и бабушка рядом. Самые близкие, самые любимые. Столько лет прошло, а воспоминания свежи, словно вчера всё было. Я зашмыгала носом и отвернулась к окну, разглядывая поля и маленькое озерцо, которое в детстве казалось морем.

– Марьяна, ты чего? – спросил Юра, сидевший слева от меня.

– Всё хорошо. Детство вспомнилось, – улыбаясь, ответила я.

Автобус шёл почти пустым. Не считая меня с Юрой, с нами ехали Сеня с Машей, их ребятишки, дед с большим рюкзаком и удочками да две бабульки в платочках. Изредка водитель выкрикивал разные слова – Озеро, Талая, Роща, Болото и другие, видимо называя остановки. На Болоте дед с удочками вышел. Бабульки тут же перекрестили деда, нашептывая что-то под нос, и затем перекрестились сами.

– Место это нехорошее, – зачем-то пояснила мне Маша.

– Из-за болот? – спросила я.

Бабульки, обернувшись, посмотрели пристально на меня и шикнули. Делали они всё слаженно, словно олимпийские синхронистки. Маша только развела руками и ничего не ответила. Потом спрошу, не к спеху. Видимо тему эту местные не очень любят.

Но подруга моя не из молчаливых была. Долго просидеть, не говоря ничего, это не про неё.

– Марьяна, а что у тебя произошло, что Юрка ни свет ни заря к тебе понёсся? Расскажите уже, а то я до вечера не вытерплю.

Поглядывая на старушек, я вполголоса начала рассказывать историю про мнимый пожар, сундук. Не успела дойти до геолога, как автобус резко остановился. Водитель открыл переднюю дверь, в которую зашёл странный человек. Он резко бросил водителю "Здорово!" и прошёл в конец автобуса. Пока он шёл, я успела разглядеть его плащ с капюшоном, кирзовые сапоги и шрам через все лицо. Сглотнув невольно слюну, я попыталась продолжить, но слова путались и забывались. Уж очень он похож был на того геолога из моего сна. Только у "моего" геолога шрама не было и сапоги были грязные.

– И вот села я на землю и за голову схватилась, что дальше-то делать... А тут... из леса выходит... выходит. В общем вышел мужчина и предложил помощь, – выкрутилась я. – А так как всё сгорело уже, я и сказала, что помощь не нужна. Он и ушёл. А потом прибежал Юра и я поняла, что дом не горел. Вот такая вот история.

– Марьяна, погоди, ты мне про геолога больше рассказывала. Что смех у него странный был, как будто он немного того. Как он про науку тебе свою рассказывал, – говорил Юра, не понимая мои сигналы глазами и руками замолчать. – Что?

– Это был всего лишь сон, – неестественно засмеялась я.

– Я бы так не сказал, – заговорил мужик в плаще и сердце моё провалилось куда-то в желудок. – Вещуны видят во снах то, что было наяву. Ты такая же, как и твоя бабка Лукерья была.

Бабульки в платочках ничего не говорили и даже не оглядывались на нас, но постоянно что-то шептали и крестились. Мужик продолжал, не обращая внимания на них:

– Не готова ты ещё к этому. Вот бабка твоя не боялась, в отличие от тебя. Ну, ничего, придёт время. Твоё от тебя никуда не денется и будет глотать тебя изнутри, словно волчица кости.

Мужик говорил неприязненно, приподнимая верхнюю губу так, что сверкали белоснежные зубы. Глаза его были, что две щёлочки. Он сидел, развалившись и уверенно, закинув ногу на ногу и положив руки на спинку сиденья.

– А вы собственно кто? – спросила Маша.

– Георгий Степаныч. А вы, вероятно, Мария.

– Вы – ясновидящий?

Мужик заржал и у меня поплыло всё перед глазами. Тот самый смех из сна!

– Марьяна! Марьяна?! – слышала я голос Юры.

Пришла в себя я быстро от отвратительно знакомого запаха. Нашатырь. Мои губы непроизвольно скривились, а руки потянулись прикрыть нос.

– Всё – всё! Успокойтесь, граждане! Жить будет. Укачало гражданочку. Такое бывает, – заключил мужик.

Когда я очнулась, автобус стоял с распахнутыми настежь дверями. Бабулек в платочках не было видно. Рядом сидел Юра, Маша – напротив. Сени и детей тоже видно не было. Мужик тоже был где-то рядом, потому что голос его я слышала отчётливо.

– Геолог, которого видела ты, не сон. Говорят он до сих пор ходит по лесу, подкарауливая зазевавшихся грибников, – продолжал он.

– И что он с ними делает? – шёпотом спросила Маша.

– Да кто ж его знает? Те, кто вернулись, молчат, словно воды в рот набрали. Давно я не слышал, что его кто – то видел. Видимо опять оживился. Вопрос только, что его побудило? А был он в плаще и сапогах, как у меня?

Видимо последний вопрос предназначался мне.

– Д-да, – ответила я.

– Точно он, – щёлкнув пальцами сказал мужик. – Плащи такие в восьмидесятых изготавливали для защиты от радиации. Он же геолог, а профессия его напрямую с радиацией связана.

– Так он совсем молодой. Лет сорок. Зачем же он этот плащ допотопный носит? Сейчас посовременней защита есть, – заметила я.

– А то, что ему навсегда сорок останется, – ответил мужик. – Говорю же, радиация.

– Так я видела его дух?! – округлила я глаза.

– Можно и так сказать. История там такая была. Было у них две бригады. Работали посменно. Искали какой-то клад в лесу. Приборы показывали, что близко они уже. Одно было условие – ночью не работать. Но этому геологу совсем невтерпеж было узнать, что они ищут. Все спать легли, а этот дождался, когда последний уснёт, взял лопату и пошёл на раскопки. Вахтового-то не ставили, людей экономили, да и незачем было караулить. От кого? Люди в дремучий лес ночью не сунутся, а животные и сами боятся, когда нас больше одного. Вот и пошёл. И ружье прихватил на всякий случай. А утром бригада его не досчиталась. Сначала подумали приболел, но постель была заправлена. Ни записки, ни вещей. А потом ещё и ружья не досчитались. Подумали он сбежал, не выдержал условий тяжёлых. Пришли на место раскопок, а там словно медведь лютвал. Все подпоры сломаны, вход завален землей. Никто и предположить не мог, что это один из них сделал. Нечеловеческой силы разрушения были. Время поджимало и пришлось удвоить усилия, работали без перерыва. Но когда стали прове-

рять приборами, долго ли ещё, не поверили – клад исчез! Проверяли, перепроверяли – нет и всё. Пришлось сворачиваться и докладывать начальству, что задачу выполнить невозможно. Всё по тихому свернули и замяли. А с тех пор то тут, то там говорят, что видели геолога этого. Только с тех пор ровно сорок лет прошло. Геологу восемьдесят должно быть не меньше. А он все сорокалетним ходит.

– Так это может дух его по земле бродит, а сам он под завалами там лежит? – спросила Маша.

– Исключено. Проверили, – ответил мужик.

– А как понять, что ты с ним столкнулся? Вдруг мы по грибы пойдём? – снова спросила любопытная подруга.

– Он ходит в плаще, как у меня и таких же сапогах.

Мы с Машей переглянулись, а Юра сильнее сжал мою руку.

– Может это вы и есть геолог? – спросила Маша.

Мужик заржал во весь голос.

– Всё возможно. Всё возможно. К тому же он, как и я, выходит к людям из леса и общается с ними.

– А зачем? – тут уже спросила я.

– Скучает. По семье скучает, по людям. К семье он так и не вернулся.

– А вы откуда так хорошо знаете про эту историю и про геолога? – спросил Юра.

В автобус зашёл водитель с листом лопуха, наполненным доверху чёрной продолговатой ягодой. Он подошёл и протянул мне лист со словами:

– На-те. Говорят, жимолость хорошо помогает при анемии.

– У меня нет анемии, но всё равно спасибо, – я аккуратно взяла лист лопуха, стараясь не рассыпать ягоды.

– Вам лучше? Ехать надо уже. От графика отстаю, – сказал водитель.

– Да-да, конечно.

В автобус зашли Сеня с ребятами, водитель закрыл дверь и мы поехали.

– А старушки где? – спросила я.

– Наверно пешком решили дойти. Тут до церкви рукой подать через этот лесок, – махнул рукой Сеня куда-то влево.

Наконец-то мы прибыли на конечную станцию. Водитель нас громогласно оповестил:

– Станция Кулешово! Конечная!

Сеня с детьми уже направились к выходу. Маша задержалась, видимо ожидая нас. Я обернулась, но мужика не увидела. Когда он успел выйти? Водитель открыл только переднюю дверь, значит он должен был пройти мимо нас.

– Юра, а куда мужчина делся?

Юра тоже оглянулся и озадаченно посмотрел на меня.

– Не знаю. Как сквозь землю провалился. Маш, ты не видела, мужик вышел уже?

Маша сидела перед нами и почти всю дорогу вполборота. Уж она-то должна была что-то увидеть!

– Нет, не заметила. Может он вышел, когда водитель ягоды передавал?

– Не-ет, они бы не разминутись здесь. Мы бы точно заметили, – помотал головой Юра.

– Граждане пассажиры, имейте совесть! Мне на обед надо, – вернул нас к реальности водитель автобуса.

– Точно! А мы сейчас у водителя спросим, – Маша пошла к водителю первой, а мы следом за ней. – Извините, а вы не подскажете, когда мужчина с галёрки успел выйти?

– Семён что ли? Так это, он ушёл, когда вашей барышне плохо стало, – кивнул на Юру водитель. – Старушек пошёл провожать. Те в церковь опаздывали на службу, а места здесь беспокойные. Вот он и вызвался проводить их. К тому же ружье всегда при нем. А что?

Мы переглядывались, не зная, как на это реагировать.

– А у вашего Семёна шрам на лице есть? – спросила я.

– Не помню. Не было вроде. А что?– ответил водитель.

– А вы уверены, что это Семён был, а не кто другой? – спросила я.

– Не уверен. Я за дорогой смотрю, когда за рулём. Но мне показалось, что он. Семён в плаще с капюшоном ходит, лесничий он.

Вконец запутавшись, я попрощалась с водителем и вышла из автобуса. Юра с Машей вышли за мной, что-то продолжая обсуждать. Водитель закрыл дверь и быстро уехал.

Мы вспоминали разговор, детали, обсуждали кто что заметил и пришли к выводу, что разговаривали с самим геологом. Но как он здесь оказался и зачем, так и осталось для нас загадкой. А разгадывать её, вновь встретившись с ним в лесу, желания не было никакого.

Глава 8. Кукуруза

Кулешово мне понравилось. Шумный, суетной посёлок с чистыми улочками, аккуратными домиками и большим количеством людей. На базарной площади всюду шла оживленная торговля. Глаза разбегались от разнообразных товаров и лавок мастеров. Здесь можно было купить всё: от иголки до коровы! Ещё мне понравилось, что за товаром до сих пор приезжали на телегах. Представляете? На телегах! Но как это было близко мне, по-домашнему. Не знаю даже почему. Может я в прошлой жизни жила в деревне? Почему же я так ненасытно сейчас впитываю всё, что связано с ней, землёй, простыми людьми? А может мне просто этого не хватало? Искренности, простоты, природной красоты? Чего не хватало? И почему я сопротивлялась этому? Почему сразу не захотела остаться здесь жить? Юра. Наверно всё дело в нём. Если бы мы не познакомились, уехала бы я обратно в город.

– Марьяна? Марьяна?! – окликнула меня Маша.

– А? Что?

– Пойдём платки посмотрим? Поможешь выбрать?

– Конечно. Конечно помогу.

Маша взяла меня под руку и мы пошли к небольшой лавке с разноцветными платками. Пока Маша крутилась перед зеркалом, выбирая из бесчисленного множества подносимых продавцом платков, я обратила внимание на смуглого старика, сидящего прямо на земле. Перед ним на низком деревянном столике лежали картинки. Я подошла к нему и, присев на корточки, с интересом стала их разглядывать.

– Можешь взять в руки, – доброжелательно предложил он.

– Спасибо!

Перебирая картинки, я заметила, что все они связаны одной темой – кукурузой.

– Ты наверно обратила внимание, да? – старик понимающе закивал головой.

– Да. Интересная тема для творчества. А вы сами рисуете? – уточнила я.

– О да. Только я не рисую.

Я непонимающе посмотрела в его светло-голубые глаза. Он растянул губы в почти беззубой улыбке и начал объяснять, как кукуруза рисует за него.

– Это старинное мастерство, которому научил меня отец. А отца научил его отец, мой дед. Кукурузные зерна измельчаются и настаиваются для загущения на коре четырёх деревьев. У меня свой рецепт, который я держу в строжайшем секрете. Сделаешь не так и ничего не получится. Готовая каша выкладывается на холст. Раскладывать нужно, как почувствуешь. Хочешь здесь пустым оставь, а здесь с горкой положи, – старик взял одну из картин и водил по не рукой, показывая как нужно делать. – Переворачиваешь холст и лишнее само собой отваливается, остаётся только главное. Картина почти готова! Осталось её положить под палящее солнце и дать просохнуть. А у вас здесь прекрасные печи есть! Так что картины можно круглый год создавать. И самое главное, что эти картины живые! Кукуруза сама решает какой создать рисунок и каким смыслом одарить картину.

– Не слышала никогда о таком, – удивлялась я. – Это гениально!

– Приезжай на следующей неделе сюда. Я для тебя новую картину создам.

– Спасибо, но я не смогу купить.

– Это подарок, только приедь.

– Но за что?

– Ты хороший человек, солнечный. Это дар! И кукуруза – солнечный дар. Повесишь на стену, чтобы в трудные времена не забывать о нём, – прищурив один глаз и всё так же широко улыбаясь, говорил старик.

– Спасибо вам, – ответила я, немного опешив.

– Кукуруза для нашего народа много значит. Я – мексиканец, – гордо сказал старик. – Кукуруза это не просто еда. Из листьев и стеблей наши женщины делают прочную ткань, а верховные жрецы до сих пор по кукурузному початку считают дни года, определяют, когда сеять, а когда пережидать.

– Жрецы? Я думала это всё пережитки прошлого и в наше время никаких жрецов уже нет.
– Конечно нет.

Я снова уставилась на него, не понимая.

– Но вы только что сказали, что есть!

– Ну да, есть. Для меня, моего народа. А для всех остальных – нет.

– А-а, я поняла. Вы их скрываете!

– Зачем скрывать? Не-е, наоборот. Они на самом видном месте, поэтому их не замечает никто.

– Я вас совсем не понимаю, извините.

– Пробьёт час и ты поймёшь. Всё поймёшь.

– Но что вы делаете здесь? Так далеко от своей Родины? Почему вам там не рисуется?

– Делюсь светом.

– У нас недостаточно своего?

– О-о, не-ет, – смеясь сказал старик. – Это обмен. Мы – вам, а вы – нам! Приезжайте к нам в любое время! Моя семья примет вас, как свою!

– Благодарю! Но я даже не знаю, как вас зовут!

– Мигель. Мигель Санчес. А тебя?

– Марьяна.

– Какое необыкновенное имя!

– Вы так хорошо говорите на нашем языке.

– Долгие годы практики.

– А ваши дети? Жена? Внуки? Неужели вы не скучаете по семье?

– Жены уже нет в нашем мире, а у детей и внуков своя жизнь. Придёт время и они пойдут делиться светом.

Как же было приятно общаться с этим милым стариком. Я чувствовала, как от него исходит бесконечная доброжелательность и теплота. Только почему-то прохожие смотрели на меня с сочувствием, а на старика презрительно, словно я попала в лапы злодея, а они ничего поделать не могут. Выбираться самой придётся, бедняжке.

Старый мексиканец как будто услышал мои мысли и схватил меня за руку. Я хотела её отдернуть, но он держал очень крепко. Для старика он был слишком силен.

– Открой ладонь, – сказал старик очень серьёзно.

Не зная чего от него ждать, я послушно разжала кулак. В конце концов вокруг полно народу. Он же не безумец причинить мне зло у всех на глазах. Я закрыла глаза и почувствовала, как на ладонь начали падать то ли камешки, то ли горошины. Открыв глаза, я увидела горсть сушеных зёрен кукурузы.

– Чувствуешь тепло? – тихо спросил старик.

– Нет.

– Ты напугана сейчас. Не слушай никого. Лишь твоё сердце знает правду. Посади эти зерна там, где нужен свет. Посади тогда, когда его будет недостаточно.

– Очень приятно было с вами познакомиться. Вы извините меня, я вернусь к своей подруге. Я обещала ей помочь! – убирая в карман зерна, протараторила я.

– Тот, что с васильками, ей очень к лицу. Лучше всех остальных!

Я вернулась к подруге и передала ей то, что сказал мне Мигель про платок. Его она и выбрала. Васильки и правда ей очень шли. Посмотрев ещё раз на старого мексиканца, который так и сидел на земле с безмятежным видом, мы пошли искать Сеню с Юрой. Мы шли от одного

ряды базара к другому, а в голове была лишь одна мысль – как плохо мы друг друга понимаем. Для окружающих Мигель был непонятным, сумасшедшим, не от мира сего. А я в нем увидела гения.

Домой мы вернулись лишь к вечеру. Сильно устав, но довольная и счастливая я сидела на своей кухне. Вспомнив про старого мексиканца, я достала из кармана кукурузные зёрна и сжала кисть в кулак. И тут я почувствовала тепло. То тепло, про которое говорил старик! Оно другое. Это не то тепло, что дарит огонь. И не то, что даётся телом. Каждое зернышко, словно маленький кусочек солнца, хранил свет и тепло внутри. Тот свет и тепло, что несет душа. Так я и сидела, сжимая зерна в руке, пока ночь не поглотила всё вокруг.

Через неделю съездить в Кулешово не получилось. Добралась я туда только через две недели. Мексиканца на том месте не было и, в рядом стоящих лавках, никто ничего не мог сказать про него. Да, был какой-то старик с картинами и не более того. А вот продавец платками знал немного больше и рассказал, что мексиканец уехал.

– Куда? – спросила я.

– Понятия не имею. Он ни с кем не общался. Да и мы его сторонились. Станный он какой-то был, – попивая кофе, сказал краснощекий продавец.

За спиной у продавца висела картина уж очень похожая на те, что я видела у мексиканца. И с картины на меня смотрела я, а у моих ног сидела маленькая Тришка, словно была ещё волчонком.

– А это случайно не моё? – хотя ответ уже был мне известен.

– Ой, а я и забыл! Точно, мексиканец сказал, если придёт девушка и будет спрашивать, отдать ей. И имя назвал. Вас как зовут?

– Марьяна.

– Да-да, он так и сказал! Если придёт Марьяна, отдать лично в руки.

Продавец спешно снял картину со стенки, свернул в трубу и отдал мне. Не буду наговаривать зря на продавца, может он действительно забыл. Откуда он знал, что я – та самая Марьяна. Не будет же он у каждого прохожего спрашивать? Или объявление вывешивать. Сама виновата, что не приехала вовремя. Не могла я через неделю. Но это теперь не важно. Главное, что картину я получила! Прижав её обеими руками к телу и улыбаясь во весь рот, я поспешила к остановке. Крупные редкие капли обещали хороший ливень.

Глава 9. Глагол

Запрыгнув в автобус, я радовалась, что успела до дождя. Ожидая, что картина, которую подарит мне Мигель, будет такой же маленькой, что и на его столике, я не позаботилась даже о её сохранности. По прогнозу дождь обещали и в случае чего я планировала картинку спрятать под куртку. А тут целый ватман! Ну ничего. Оберну курткой, если понадобится.

Повезло. В деревне дождя не было, хотя висели устрашающе-синие тучи. Прибежав домой, я попыталась как-то закрепить картину на стене, но ничего не получалось. Не гвоздями же приколачивать. Попрошу Юру помочь. Он как раз вечером собирался прийти.

Оставив пока эту затею, я села писать план работы. Но и план не двигался с мёртвой точки. Я не знала с чего начать обучение ребят. Не представляла, как вообще всё это будет выглядеть: где обучать, кого, сколько и, самое главное, чему? Вопросов было слишком много, а в голове крутилось только одно слово – глагол. При чем здесь глагол? Исписав добрую половину тетрадки и исчеркав её, я вышла во двор и вдохнула свежий запах земли после дождя. Пока я пыталась изображать бурную рабочую деятельность, дождь прошёл и через нашу деревню.

Надышавшись сладкими и дикими запахами окружавших меня деревни, леса, озера, я собралась было идти в дом, но заметила, что по дороге кто-то бежит и машет мне руками.

– Сеня?

– Марьяна! Собирайся! По дороге всё расскажу!

– Я готова. А что случилось? Неладное что-то?! Сеня? Хоть пару слов скажи. Я же переживаю! С детьми что-то? С Юрой?! – закрывая дом, тараторила я.

– Да нормально всё с твоим Юрой. С нами поедет. Крышу сегодня с ним весь день чинили. Переоденется и присоединится. Пойдём. – сказал Сеня и пошёл в противоположную его дому сторону.

– А куда мы? Не к вам?

– Нет. В Кулешово. Поторопись, Марьяна.

– В Кулешово? Но..

– Что? Не хочешь ещё раз за день ехать?

– А ты откуда знаешь? – вытаращилась я на Сеню.

– Марьяна, привыкай. В деревне все всё друг про друга знают. И про вашу свадьбу скорую с Юрой тоже толкуют.

– Но как? Про какую свадьбу? Мы с Юрой даже словом об этом не обмолвились!

– А людям и не нужны слова. Все видят, как вы разговариваете да смотрите друг на друга.

– Но...

– Марьяна, не надо. Не объясняй ничего. Всё идёт своим чередом.

Мы пришли на остановку. Вскоре прибежал запыхавшийся Юра и почти сразу подъехал автобус. До Кулешово мы доехали почти без проблем, не считая одного места, где автобус немного забуксовал в луже.

– Хороший ливень прошёл, – радовался Сеня.

– Не вовремя крышу делать начали. Хоть бы дом не затопило, Сень, – сказал Юра.

– Всё будет хорошо. Успеем, – махнул рукой Сеня и, не дожидаясь нас, побежал к базару.

В автобусе мы так и не поговорили с Сеней. Какой-то он был взбудораженный. А сейчас и вовсе старались успевать за ним. Мы пробирались сквозь толпу народа и в какой-то момент потеряли Сеню из вида. Мои сандалии не были предназначены для жизни в деревне. Раскисшая грязь налипла на подошву, измазала по щиколотки ноги и запачкала белую юбку, неудачно надетую мной. В таком виде я и предстала перед Фёдором Игнатьевичем, моим будущим начальником. Они с Сеней стояли на небольшой базарной площади и о чем-то разговаривали. Тут из толпы вынырнули мы с Юрой и Сеня кивнул в нашу сторону головой.

– Здравствуйте! – оглядев меня с ног до головы, сказал Фёдор Игнатьевич.

– Здравствуйте, – проблеяла я невнятно.

– Марьяна, знакомься, это директор местной школы. Фёдор Игнатьич очень добрый и отзывчивый человек. Я ему рассказал про тебя. Ну а дальше вы уже сами общайтесь.

– У меня очень мало времени. Арсений Николаевич, благодарю вас за знакомство со столь прелестной дамой. Марьяна, как вас по отчеству?

– Васильевна.

– Марьяна Васильевна, жду вас завтра в школе в восемь утра. Представлю вас коллегам и подумаем, что будем делать дальше. Очень приятно было познакомиться.

Фёдор Игнатьевич пожал мне руку, кивнул головой и, широко шагая, удалился. Мне он понравился. Чем-то напоминал моего дедушку. Может седой густой шевелюрой и грубыми чертами лица, а может ещё чем-то, едва уловимым.

– Сеня, может объяснишь уже, что происходит? – спросила я.

– Что происходит? На работу помог тебе устроиться. Но если ты против, я не настаиваю. Ты всегда можешь отказаться.

– Конечно я не против! Просто так неожиданно...

– Фёдор Игнатьевич очень занятой человек. Я ему позвонил, рассказал про тебя. Он очень заинтересовался и сказал срочно приехать. Хотел видимо лично с тобой познакомиться. Хоть у них с кадрами и напряжёнка, не каждого он с распростертыми объятьями принимает. Считает, что к обучению нужно допускать только тех, кто любит дело свое.

– Сеня, а как он так быстро определил, что я дело свое люблю?

– Стала бы ты сюда мчаться по грязище, если бы не любила?

– Так ты и не сказал зачем мы сюда едем!

– Я уверен, что не поехала бы. А ты поехала. Значит что-то почувствовала. Да и вообще начнём с того, что ты здесь остаёшься жить! Это ли не говорит о чем-то?

– Наверно говорит.

– Ну вот, а я о чем?!

Мы потихоньку побрели к остановке. Сандалии безнадёжно были испорчены да не о них были мысли мои. Голова была занята новой школой, коллегами и моим будущим.

На следующий день, как и договаривались, я приехала к восьми часам в школу. Меня слегка подташнивало от волнения, словно я шла на экзамен. В холле меня встретила пожилая женщина, представившаяся вахтером Ниной Павловной.

– Очень приятно, – ответила я.

– Вы – Марьяна Васильевна? – улыбаясь, сказала она. – Меня предупредили, что вы придёте и просили проводить в Приёмную к директору. Не волнуйтесь. Фёдор Игнатьич у нас замечательный руководитель.

С этим напутствием я вошла в Приёмную, где меня встретила секретарь. Строгая и не очень дружелюбная.

– Марьяна Васильевна? Меня зовут Наталья Валерьевна. Я – секретарь Фёдора Игнатьевича, его помощник и заместитель. К тому же я преподаю несколько дисциплин. Присаживайтесь. Вас скоро пригласят.

– Приятно с вами познакомиться, – только и ответила я.

Через полчаса дверь в кабинет директора открылась и оттуда вышли Фёдор Игнатьевич с каким-то мужчиной. Ещё поговорив в Приёмной, они наконец-то распрощались и Фёдор Игнатьевич пригласил меня войти.

– Иван Петрович – глава нашего посёлка. Очень хороший человек, местный старожил. Много историй знает. Проходите, Марьяна Васильевна.

Я вошла в скромный и очень уютный кабинет. Меня удивило большое количество зеленых растений. Самые разнообразные горшки стояли на подоконнике и полу, несколько даже были подвешены на стене.

– Очень люблю цветы, – сказал Фёдор Игнатьевич, видимо заметив, как я разглядываю растения.

– Целая оранжерея, – восхищённо поддержала я.

– Поэтому и пошёл учителем биологии работать, чтобы всегда быть рядом с природой. Чаю хотите?

– Не хочу вас беспокоить...

– Марьяна Васильевна, не отказывайтесь. Чай у меня свой. Сам собираю каждый год. Иван-чай, чабрец, липа, но всех секретов я вам не расскажу, – подмигнул мне Фёдор Игнатьевич. Выглянув в Приёмную, он попросил секретаря заварить чай.

– Благодарю вас.

– Вот мёд из разных трав. Тоже особый. У меня пасека своя.

– Вы меня не удивили, – улыбаясь сказала я. – Судя по тому, как вы любите природу...

– Да-а, с природой у меня особая связь. Я её чувствую. И людей чувствую. Ну, давайте о вас поговорим. Мне Арсений Николаевич рассказал чуток: учитель химии, любите свою работу и ребятшек, переехали в бабушкин дом... Ничего не пропустил? Помню я Лукерью Потаповну. Добрая была старушка. Ну, где там чай? – снова выглянул в Приёмную Фёдор Игнатьевич.

Секретарь внесла разнос, на котором стояли небольшой заварочный чайник и две чашки. Поставив всё на стол, она подняла к потолку глаза и скорчила недовольную гримасу.

– Спасибо, Наташа. Можете идти, – вежливо сказал Фёдор Игнатьевич.

Она ушла, неплотно закрыв за собой дверь. Директор громко покашлял и секретарь тут же захлопнула её.

– Извините, Марьяна Васильевна. Черт-те что творится. Бардак. Несладко вам придётся здесь, но вы, главное, не обращайте внимания на провокации. Мне иногда кажется, что мой секретарь – фурия! – улыбаясь, сказал директор.

– Я постараюсь, но, честно говоря, не представляю, что буду делать, – развела я руками. – Я пыталась набросать план, но ничего не вышло.

– А вы уже знаете, кем будете работать? Арсений Николаич успел рассказать?

– Нет-нет. Мы не говорили на эту тему. План работы примерно одинаков: вступление, основная часть, примеры..

– А-а, это да, но что тогда не получалось?

– Не вижу себя здесь. Не представляю. Чему я буду учить ребят? Не химии же, верно?

– Верно. Химии есть кому учить. Вы научите их другому.

Сказал Фёдор Игнатьевич и замолчал. Пауза затянулась и я прервала молчание:

– Но чему? Вы так и не сказали чему я буду учить.

– Сказкам, Марьяна Васильевна. Сказки будете детям рассказывать.

– Сказки? Не понимаю.

– Через сказки будете детям нашим доброе и светлое передавать. Вот вам задание, придумайте тему. С чего вы начнёте самый первый свой урок здесь.

В кабинет заглянула Наталья Валерьевна и кивнула головой Фёдору Игнатьевичу. Он кивнул в ответ и продолжил:

– А чтобы вам было проще влиться в работу и расслабиться, я попросил прийти всех ребят. Они уже вас ждут. Познакомитесь, поговорите...

– Как ждут уже? Сейчас? Но я не готова! – разволновалась я.

– А какая разница сейчас или потом?

– Просто так неожиданно всё...

– Я уверен, вы справитесь. Говорите то, что идёт от души. Пойдемте, я вас представлю.

Фёдор Игнатьевич встал и направился к двери, сокрушаясь, что чай так и не успели попить. Ребята ждали нас в одном из классов. Их было человек двадцать пять от мала до велика. Они повскакивали со своих мест при виде нас.

– Спасибо, ребята, что пришли! Садитесь-садитесь, – Фёдор Игнатьевич медленно опустил ладони на стол, как бы повторяя жестом сказанное. – Марьяна Васильевна – ваш новый учитель. Она будет вести внеклассное чтение. Оценки по этому предмету ставиться не будут, но присутствие на уроке обязательно. Марьяна, Васильевна, прошу...

– Здравствуйте, ребята, – немного неуверенно начала я. – Долго размышляя, что же вам такое рассказать интересное, мне пришла в голову идея поговорить о том, что вы лучше всего знаете. О глаголе!

Лица ребят вытянулись и те, что постарше, начали посматривать на Фёдора Игнатьевича. Тот только развёл руками и спешно удалился из класса, пожелав мне на прощанье удачи.

– Кто из вас самый смелый и готов выйти к доске? – импровизировала я и тянула время, не зная, что скажу в следующий момент.

Первым поднял руку Николай, сын Маши и Сени.

– Прошу, – сказала я. – Мы уже знакомы с Колей. Ещё я знаю его сестренку. А чтобы мне познакомиться быстрее с остальными ребятами, напишите на листочке ваши имена по порядку. Так, как сидите сейчас.

На столе лежали листочки и ручка. Я взяла один и сверху подписала "Мой класс". Ребята потихоньку записывали свои имена, а я продолжила:

– Коля, расскажи пожалуйста, что ты больше всего любишь делать летом?

– Ну, на рыбалку ходить с папой. Мастерить что-нибудь.

– Рыбачить, Мастерить – это всё глаголы, верно?

– Ну, да, – ответил Николай.

– Глаголы это всегда какое-то действие. Садись, Николай. Спасибо! Мы настолько привыкли к нашим словам, что не задумываемся, а как же они появились? Знаете, у меня идея! На дворе лето, а мы в душном классе сидим. Пойдёмте все на улицу!

Ребят долго уговаривать не пришлось. Они встали и дружно вышли из школы. Я огляделась и увидела березовую рощицу в минуте ходьбы. Туда мы и направились. От вчерашнего дождя не осталось и следа. Жаркое летнее солнышко и ветерок высушили траву, на которой расположились мои ученики и я.

– Здесь гораздо лучше, правда? – спросила я ребят.

– Да! Конечно! Не сравнить! – ответили они.

– Так, на чем я остановилась?

– Как появились слова, – звонким голосом сказала девочка в клетчатом синем платице.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Вика. Виктория.

– Виктория, совершенно верно. Расскажу вам сказку одну. Называется она "Глагол", – обвела я взглядом ребят и продолжила. – В одной маленькой деревушке местная детвора играла на улице. Дело было в такой же жаркий летний день, как и у нас сейчас. Ребята бегали, играли в мяч, догонялки и прятки. Они и не заметили, как рядом появилась высокая женщина в странном одеянии. Платье было сплошь усеяно белыми цветочками, похожими на яблоневый или вишнёвый цвет, а на голове что-то вроде шляпы с широкими полями, тоже усыпанной цветами. От женщины шёл лёгкий холодок, такой приятный в этот жаркий день. А ещё от неё веяло вишнёвой смолой. Ребята, как замороженные, перестали играть и разглядывали незнакомку. Двое самых смелых, мальчик и девочка лет шести, подошли к ней. Она протянула им руки и угостила красивыми спелыми яблоками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.